ПАЛИМПСЕСТ

Архив Живых Приливов

Дмитрий Фок

Дмитрий Фок

Палимпсест: Архив Живых Приливов

«Автор»
2026

Фок Д.

Палимпсест: Архив Живых Приливов / Д. Фок — «Автор», 2026

Океан помнит всё. Даже то, что ты предпочёл бы забыть.На Нерее, планете-океане, память — товар. Мнемоархеолог Ян Вейнар знает: глубоко под водой мнемосеть хранит отпечатки человеческих воспоминаний. Он спускается туда годами, извлекая чужие. Пока однажды не находит послание. Свой собственный голос. Своё имя. И предупреждение: «Не верь своей памяти о том, как ты сюда попал».Теперь он должен решить: копать дальше — или принять таблетку, которую каждый день пьют все жители города.

© Фок Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая: Шумовой порог 5
Глава 1. Штатное погружение 5
Глава 2. Пелаг 11
Глава 3. Мёртвый архивист 16
Глава 4. Палимпсест 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Дмитрий Фок
Палимпсест: Архив Живых Приливов

Часть первая: Шумовой порог

Глава 1. Штатное погружение

На восьмистах метрах давление сжимает то, что ты привык считать своей памятью, и делает это медленно, без предупреждения. Ян узнал это в тот миг, когда нейролитический интерфейс у основания черепа начал принимать сигнал, которого не должно было существовать. Учебники молчали об этом.

До этого момента оставалось ещё около сорока минут штатного спуска. Всё шло настолько гладко, что потом, восстанавливая события той смены по секундам, он так и не смог найти момент, когда это изменилось. Разве что кофе. Кофе в термосе Лио, который тот клятвенно обещал, но так и не дал. Ерунда. Но память за неё цеплялась, потому что за большие вещи зацепиться не получалось.

— Дельта-девять, подтверждаю коридор, — голос Лио Марека в канале звучал так, будто он диктовал список покупок в единственном работающем магазине Пелага. — Боковой снос ноль-три, компенсирую. Глубина шестьсот двадцать. Давление в норме. Кофе хочешь?

— У тебя нет кофе.

— У меня есть воображение. На шестой час смены это почти то же самое. Я даже помню, как он пахнет. Что-то среднее между горелой проводкой и надеждой. Хотя, погоди, у меня же в термосе что-то есть. Только оно холодное. И, кажется, вчерашнее.

Ян промолчал. На экране бокового обзора прожектор выхватывал стену каньона Дельта: тёмный пурпур, похожий на старый синяк, с прожилками биолюминесценции, которые пульсировали в складках породы. Бледно-голубые нити, зеленоватые, изредка резкий янтарный всполох. Мнемосеть. Он машинально отметил, что угол наклона справа не совпадает с картой, и что это несоответствие придётся занести в журнал до конца смены — обязательно, потому что Лио всё равно спросит. У него была привычка проверять чужие записи. Двенадцать лет вместе на дне приучают к тому, что любая мелочь может однажды стать важной.

Ян проверил калибровку интерфейса. Контактные пластины у шеи: две справа и одна слева, асимметрия из-за старого шрама. Под правой верхней проступил навязчивый зуд. Он поскрёб ногтем край пластины, не снимая. Сигнал устойчив. Нейролитический буфер работал в пассивном режиме: принимал, фильтровал, не интерпретировал. Интерпретация начнётся, когда они достигнут целевой зоны. До тех пор интерфейс просто слушал фоновый шум океана, и шум этот был плотным, многослойным, как гул толпы за стеной. Ян подумал, что если закрыть глаза, можно представить, что ты в переполненной столовой, и все говорят разом, и никто друг друга не слушает.

Мнемоархеологи не считали фоновый шум Нереи помехами. Скорее — информацией, к которой ещё не подобрали язык.

— Шестьсот восемьдесят, — сказал Лио. — Входим в термоклин. Будет трясти.

Батискаф дёрнулся. Не сильно — как вагон на стыке рельсов. Ян проверил крепление ремня и положение рук раньше, чем успел подумать. Опыт на глубине: при тряске — фиксация, при звуке разгерметизации — маска, при потере освещения — левая рука к аварийному фонарю на поясе, правая к клапану дыхательной системы. Он прикидывал, успеет ли постирать комбинезон до завтрашнего медосмотра, и что там за пятно на левом колене — смазка или что

похуже. Медосмотры он ненавидел. Из-за очередей. На Нерее все очереди были одинаковыми: длинными, молчаливыми и пахнущими антисептиком.

Ян Вейнар был хорошим специалистом, но не блестящим: блестящие на Нерее долго не жили, потому что блеск предполагал риск, а риск на глубине имел привычку конвертироваться в горькую статистику. Ян был надёжным, точным, методичным. Человеком, который возвращался. Он считал вдохи. Привычка, происхождение которой он не помнил. Кто-то когда-то научил его этому, и знание осталось, а лицо учителя нет. Таких пробелов в его памяти было много, и он давно перестал пытаться их заполнить. Иногда, впрочем, ему снились руки. Большие, с длинными пальцами, которые перебирали что-то — монету, гайку, край стола. Он просыпался и не помнил, чьи это руки. Просто знал, что они были добрыми.

— Семьсот двадцать, — Лио чуть скорректировал курс. — Ян, у тебя интерфейс мигает.

Ян перевёл взгляд на индикатор. Контактная пластина номер два, правая верхняя, показывала микроколебания импеданса. Влага, вибрация, возраст имплантата — ничего критичного. Под пластиной тянуло, как от старой пломбы в холодную погоду.

— В допуске, — сказал он.

— Ты каждый раз так говоришь, а потом я тебя вытаскиваю с носовым кровотечением.

— Это было один раз.

— Два. Ты просто не помнишь первый.

Лио сказал это легко, без нажима, но фраза осталась в тесной кабине, и оба это слышали. Первого раза Ян и правда не помнил. Да и многого другого тоже. Лио знал об этом ровно столько, сколько знает пилот, который годами опускает напарника на дно. Достаточно, чтобы не доверять до конца. Бросать работу он всё равно не собирался. На Нерее пилотов было мало, а хороших пилотов — ещё меньше. Лио был хорошим. И, что важнее, он был предсказуемым.

Батискаф прошёл термоклин, и тряска прекратилась. За бортом температура упала на одиннадцать градусов за тридцать метров. Границы слоёв, перепады давления, смена биомов — на Нерее всё происходило рывками. Океан работал. Ян однажды пытался объяснить это новичку: представь, что ты идёшь по лестнице, но ступени разной высоты и появляются неожиданно. Новичок не понял. Через полгода его перевели на поверхность. Кто-то говорил, что он улетел на Землю. Кто-то — что остался, но работает в столовой.

На экране бокового обзора стена каньона изменилась. Пурпур сменился почти чёрным, биолюминесценция — нити на пятна. Пятна мигали медленно, и Ян поймал себя на том, что ждёт, когда они мигнут снова. Хотя знал: колонии фотобактерий Mnemosynella, основной компонент мнемосети Нереи. Организм, который превратил океан в то, для чего у человечества изначально не было определения. Ни разум, ни память. Среда: запоминает, не думая, отвечает, не разговаривая. Ян столько лет работал с ней и так и не научился называть её иначе. Иногда ему казалось, что она ждёт. Как ждёт собака у двери. Терпеливо. Зная, что рано или поздно дверь откроется.

— Семьсот восемьдесят, — сказал Лио. — Вижу маркер Дельта-девять. Выходим на точку через четыре минуты. Готовь свои игрушки.

Ян активировал рабочую консоль. Экран развернулся перед ним плоский: голографические проекторы на глубине сбоили от электромагнитных аномалий, а плоские работали. На экране — карта архивной зоны Дельта-9, трёхмерная модель каньона, размеченная цветом. Синий — верифицированные узлы, считанные и каталогизированные. Зелёный — потенциальные. Красный — аномалии. Сегодняшнее задание было зелёным: три потенциальных узла на глубине от семисот девяноста до восьмисот двадцати метров. Подойти, активировать интерфейс в режиме считывания, записать биофотонный паттерн, классифицировать, пометить для наземной группы. Зону Дельта-девять он картировал сам семь лет назад, в составе группы из пяти человек. Тогда третий узел числился пустым: когерентность ноль-двенадцать, мёртвая колония, кандидат на списание. С тех пор к нему не возвращались. По регламенту мёртвые

узлы обследовали раз в десять лет, до срока оставалось ещё три года. Ян собирался пройти мимо. Он свернул к третьему только потому, что течение за неделю снесло маркер второго узла на сорок метров к северу, и обратный маршрут оказался короче. Экономия топлива. Экономия времени. Иногда самые большие ошибки в жизни начинаются с желания сэкономить пятнадцать минут.

— Точка, — сказал Лио. — Глубина семьсот девяносто два. Стабилизирую. Течение слабое, снос минимальный. Окно работы сорок минут, потом подниматься, иначе не впишемся в декомпрессионный график. И ещё: у меня мигает какой-то индикатор, я его не узнаю. Скорее всего, ерунда.

— Понял. Начинаю.

Ян переключил интерфейс в активный режим. Ощущение знакомое и неприятное: тонкая игла в основании черепа, медленный поворот. Глухое давление под затылком. Что-то чужое там, где он привык быть один. Контактные пластины нагрелись, на экране побежали столбцы данных: спектральный анализ биофотонного поля, плотность сигнала, частотное распределение, индекс когерентности. Язык среды, которая имела память. Ян всегда думал, что если у этой среды есть язык, то он ужасно однообразный. Как разговор двух стариков, которые знают друг друга сорок лет и говорят в основном молчанием.

Первый узел оказался стандартным: колония Mnemosynella плотностью около четырёх миллиардов клеток на кубический сантиметр, спиральная структура, биофотонный паттерн низкочастотный и стабильный, возраст — от ста двадцати до ста пятидесяти лет. Содержание не читается, нужна лабораторная декодировка. Ян пометил узел, записал координаты, двинулся дальше. Второй — то же самое, но чуть моложе, чуть плотнее, чуть ближе к поверхности каньона.

У третьего узла был другой профиль.

Ян почувствовал это раньше, чем увидел данные. Интерфейс изменил тон. Не в буквальном смысле — у нейролитических контактов не было звука, — но ощущение сместилось: давление у основания черепа стало острее, направленнее.

— Лио, у третьего узла аномальный профиль.

— Какого рода?

— Высокочастотный компонент. Сильный. Индекс когерентности... — Ян моргнул, перечитал цифру. — Ноль-девяносто три.

Ян слышал, как Лио что-то переключил на своей панели. Один щелчок. Потом второй.

— Это ошибка, — сказал Лио.

— Я тоже так думаю.

Индекс когерентности 0,93 означал почти идеальную организацию биофотонного паттерна. Естественные узлы Нереи редко дотягивали до 0,6. Искусственно стабилизированные архивные записи держались в районе 0,75—0,80. Такой уровень Ян видел только в лабораторных образцах, ни разу в дикой среде.

— Перекалибруй, — предложил Лио.

Ян перекалибровал. Цифра не изменилась. 0,93, плюс-минус 0,01.

— Это ее ошибка, — сказал он.

— Тогда что?

На экране спектральный анализ третьего узла разворачивался в картину, не укладывавшуюся ни в одну известную классификацию. Высокочастотный компонент был структурированным — вот что не укладывалось. Паттерн содержал повторяющиеся элементы — слишком регулярные для природного процесса, слишком сложные для стандартной инженерной записи. Ян откинулся в кресле, насколько позволяла страховка, и потёр глаза. В горле пересохло. Он потянулся к трубке водяного балласта, сделал глоток. Вода отдавала пластиком. Всегда отдавала, но он так и не привык.

Узел реагировал на его присутствие. На него, на его нейролитический интерфейс, на его биометрический профиль.

— Ян, у тебя пульс сто двенадцать, — сказал Лио. — Что происходит?

— Узел активный. Он... настраивается.

— На что?

— На меня.

Лио молчал. Потом:

— Я поднимаю нас.

— Нет. Подожди. Дай мне две минуты.

— Ян...

— Две минуты.

Ян знал, что нарушает протокол. Активный узел с аномальным профилем требовал немедленного отхода и вызова специализированной группы. Часть этого протокола он написал сам. И остался. Потому что узел уже не настраивался, а отдавал сигнал.

Сначала шум. Белый, плотный. Потом он начал формироваться. Появились фрагменты: ритм дыхания, щелчки оборудования, гул системы жизнеобеспечения. И голос. Внутри, через интерфейс. Тихий, искажённый, как запись, которую слишком часто переписывали. Но узнаваемый.

Это был его голос.

«Если ты это слышишь, значит я снова согласился. Не верь протоколу. Не верь Консорциуму. Не верь своей памяти о том, как ты сюда попал. Найди Палимпсест. Найди то, что осталось от Ивена. И на этот раз не соглашайся.»

Запись оборвалась. Когерентность узла начала падать: 0,88, 0,79, 0,65. Сообщение исчерпало энергию, необходимую для воспроизведения.

— Ян? — голос Лио. — Ян, ты в порядке? У тебя пульс сто тридцать восемь. Я поднимаю нас. Сейчас.

— Подожди.

— Нет. Мы уходим.

— Лио. Подожди.

Ян смотрел на экран. Данные третьего узла всё ещё бежали по нему: затухающий паттерн, спектральный хвост, остаточная когерентность. Всё это записывалось в бортовой лог. Всё это через три часа будет на сервере Архивного управления. Всё это увидят люди, которые зададут вопросы. У Яна не было ответов. Он протянул руку к консоли.

Команда выделения. Фрагмент записи от момента активации узла до окончания воспроизведения — в личный буфер. Команда редактирования бортового лога. Аномальный высокочастотный компонент — на стандартный артефакт калибровки. Индекс когерентности: 0,93 — на 0,61. Голосовая запись удалена из основного лога. Семь секунд.

— Всё чисто, — сказал Ян. — Ложная тревога. Артефакт калибровки. Можем подниматься.

Лио сделал паузу. Ян слышал его дыхание в канале, чуть быстрее обычного. Пилот батискафа, который провёл в океане Нереи пятнадцать лет, умел отличать ложь от правды по тону голоса. Это было профессиональное умение, необходимое для выживания: когда напарник говорит «я в порядке» на глубине восьмисот метров, нужно точно знать, правда ли это.

— Артефакт калибровки, — повторил Лио.

— Да.

— Ладно. Поднимаемся.

Батискаф начал всплытие. Медленно, по протоколу: двенадцать метров в минуту до первой декомпрессионной остановки. Стена каньона поплыла вниз. Биолюминесцентные пятна мигали, удаляясь. Слишком ровно. Он закрыл глаза. Перед внутренним взглядом почему-то

стояла чашка. Простая, керамическая, с трещиной на дне. Он не помнил, откуда эта чашка. Но помнил, что она была важна. Почему — не знал.

В личном буфере его консоли лежала запись. Его собственный голос. Имя, которое он не стал произносить даже про себя. И слово.

Палимпсест.

Память, записанная поверх другой памяти.

Батискаф поднимался. Давление падало. Ян не торопился. Он умел ждать. Запись в буфере жгла, как осколок под кожей.

«...значит я снова согласился.»

Снова.

Всплытие заняло два часа сорок минут. Три декомпрессионные остановки. На каждой Ян сидел неподвижно. Лио вёл аппарат и не отвлекался. Но когда они прошли последнюю остановку и батискаф вошёл в стыковочный коридор подводного дока Пелага, Лио сказал:

— Ян.

— Да.

— Я не буду спрашивать, что ты нашёл.

— Хорошо.

— Но если это что-то, от чего бывают проблемы, я хочу знать заранее. Да или нет.

Ян повернулся к Лио. В тусклом свете кабины лицо пилота было серо-зелёным от отражения приборных панелей. Широкое, обветренное, с мелкими шрамами у левого виска — следы старой аварии, о которой Лио рассказывал три разные версии в зависимости от количества выпитого. Глаза тёмные. Он смотрел на Яна и ждал.

— Я не знаю, — сказал Ян.

Лио кивнул. Батискаф мягко ткнулся в стыковочный узел. Замки щёлкнули. Давление в кабине выровнялось с давлением дока, и Ян почувствовал, как уши заложило, а потом отпустило. За переборкой переговаривались техники. Обычный мир. Кто-то смеялся. Кто-то ругался. Пахло смазкой и чем-то жареным — видимо, в столовой дока готовили что-то помимо водорослевой каши.

Ян отстегнул ремни, снял контактные пластины интерфейса. Кожа под ними была красной и горячей. Он убрал оборудование и вышел из батискафа в док. В нагрудном кармане лежала личная консоль, а на ней — файл размером в четырнадцать мегабайт.

Архивная интерлюдия I

Колониальный образовательный фонд Нереи. Серия «Новый берег», выпуск 7

«Мнемосеть: что помнит океан и почему это важно»

Рекомендовано для ознакомительного курса, уровень допуска: общий

Если вы прибыли на Нерею недавно, вы, вероятно, слышали выражение «море помнит». Местные жители произносят его часто: как приветствие, как предупреждение, иногда как ругательство. Это не метафора. Океан Нереи содержит крупнейшую известную человечеству биологическую информационную сеть, и её основу составляют колонии микроорганизмов рода Mnemosynella, фотосинтезирующих бактерий, способных генерировать, принимать и ретранслировать когерентные биофотонные сигналы.

Проще говоря, эти бактерии общаются светом. Но не так, как светлячки или глубоководные рыбы Земли: сигналы Mnemosynella обладают высокой степенью структурной сложности и способны кодировать информацию, сопоставимую по плотности с нейронными паттернами. Ещё проще: океан Нереи может записывать и хранить сложные информационные структуры. В том числе отпечатки когнитивной активности находящихся в нём людей.

Это не телепатия и не мистика. Это физико-биологический процесс, основанный на взаимодействии электромагнитных полей человеческого мозга с биофотонной сетью Mnemosynella. Процесс медленный, шумный, неточный и зависящий от множества переменных: глубины,

температуры, плотности колонии, эмоционального состояния субъекта, наличия нейролитического интерфейса. Мнемосеть не читает ваши мысли. Она фиксирует статистически устойчивые паттерны когнитивной активности — то, что вы думаете часто, интенсивно и в присутствии достаточной концентрации Mnemosynella.

Именно поэтому глубоководные рабочие Нереи иногда сообщают о «чужих воспоминаниях», фрагментах опыта, которые не принадлежат им, но ощущаются как собственные. Мозг принимал чужой паттерн и достраивал его до воспоминания. Консорциум Памяти Нереи работает над тем, чтобы этот процесс был безопасным, контролируемым и полезным для всего общества.

Море помнит. Мы отвечаем за то, что помним.

© Колониальный образовательный фонд, 2476. Утверждено Консорциумом Памяти, рег. номер КП-2476-0891.

Глава 2. Пелаг

Пелаг не был красивым городом. Его строили по необходимости, а необходимость не оставляет места для украшений. Красота, впрочем, тоже вопрос личный. Ян знал людей, которые находили Пелаг красивым. Обычно это были те, кто приезжал с Земли и через месяц уезжал обратно.

Ян шёл по коридору третьего яруса жилого сектора «Восток». Стены вибрировали под ладонью. Стабилизаторы держали город на воде — шестнадцать гироскопических платформ. Океан дышал. Город двигался вместе с ним.

Коридор был узким: два человека могли разойтись, только если один прижмётся к стене. Потолок низкий, освещение — полосы биолюминесцентных панелей, холодный голубоватый свет. Экономили всё: пространство, энергию, воздух, пресную воду, приватность. Город на двести двенадцать тысяч человек, собранный из модулей, которые можно разъединить и перегруппировать в зависимости от сезона штормов. Ян однажды видел, как перестраивают сектор. Медленно, тяжело, с руганью и матом. Как переставляют мебель в тесной квартире, где каждый угол занят.

Первая Высадка привезла на Нерею двести человек и оставила двадцать одного. Потом суда снабжения, контракты, орбитальный лифт. У планеты было три вещи, нужные Земле: тяжёлая вода, редкие металлы и океан, который умеет хранить информацию. Экспедиция стала рынком труда. Пелаг рос от вербовки: четыре транспорта в год, восемь тысяч человек за рейс, контракт на шесть лет с правом продления. Дважды почти никто не продлевал. Контракт кончался, и человек переставал быть контрактником, но не жителем.

Уезжали немногие. Ян знал статистику: за последние пять лет вернулись на Землю меньше двух процентов. Остальные оставались. Не потому что любили Нерею. Потому что не могли уехать. Деньги, обязательства, привычка. Или потому что здесь, на дне, было проще забыть то, что осталось наверху.

Каюта Яна находилась на третьем ярусе, сектор «Восток», блок 7, ячейка 7-42. Двенадцать квадратных метров. Койка, рабочий стол, санузел за складной перегородкой, шкаф, встроенный в стену. Одно окно — экран, транслирующий изображение с внешних камер. Сейчас на экране была ночь: чёрная вода, отблески огней соседних секторов, далёкий силуэт орбитального лифта. Ян всегда думал, что орбитальный лифт похож на нитку, которой кто-то пришил город к небу. Не очень аккуратно пришил. Криво.

Ян закрыл дверь и снял комбинезон. Под ним было термобельё, пропитанное потом и солью. Он стянул и его. Своё тело он понимал хуже, чем батискаф. Два шрама у шеи — входные порты интерфейса. Один у левого подреберья, где стоял датчик глубинного давления, снятый три года назад. Кожа бледная, серая. Глаза светлые, с отражающим слоем — модификация второго поколения, стандарт для глубинных работников. В темноте они слабо светились.

Ян встал перед зеркалом в санузле и посмотрел на своё лицо. Тридцать восемь лет. Он выглядел на сорок пять. Из зеркала смотрел человек, который ещё не вышел со смены. Ян подумал, что неплохо бы побриться. Потом подумал, что это подождёт. Потом всё равно побрился, потому что завтра медосмотр, а врач — женщина, и она всегда смотрит на подбородок.

Он открыл аптечку. Три препарата. Мнемостабил для поддержания когерентности автобиографической памяти, два раза в день. Нейролит-буфер для снижения остаточного шума после работы с интерфейсом, по необходимости. Кортизоновый модулятор для контроля стрессового ответа, который после декомпрессионной травмы стал непредсказуемым. Он принял мнемостабил, запил переработанной водой с привкусом минеральных добавок и подождал двадцать минут. Без мнемостабила память начинала «плыть»: хронология путалась, лица знако-

мых размывались. В провалах появлялось чужое. Комнаты, которых он не помнил, страх, которому не было причины.

Побочный эффект декомпрессионной травмы. Так ему сказали. В медицинском файле стояло то же. До сегодняшнего погружения он верил в это. Теперь вера была где-то на периферии. Он её не трогал. Просто отметил, что она там.

Ян сел за стол, достал личную консоль и ввёл код: отпечаток, радужка, нейросигнатура. Файл лежал на месте.

Спектрограмма третьего узла развернулась на экране: плотная, многослойная. Ян начал анализ. Первый слой — фоновый шум мнемосети, обычный. Второй — структурированный паттерн высокой когерентности, слишком ровный для дикой колонии. Третий слой...

Ян остановился, откинулся на спинку стула. В батискафе он сидел часами и не замечал, а тут только сел, и сразу затекла правая лопатка. Он потёр шею под шрамом. В каюте было душно. Обогрев после смены он не выключил, и воздух пах горячим пластиком и потом. Пах домом. Странное слово для двенадцати квадратных метров. Но другого не было.

Третий слой содержал биометрическую привязку. Узел был адресован — конкретному нейропрофилю, с частотной сигнатурой и импедансной картой.

Его параметры.

Кто-то создал этот узел для него. Закодировал в биофотонную структуру мнемосети сообщение, которое срабатывало только от его биометрии. И спрятал на восьмистах метрах, в дикой зоне, вне мониторинга Консорциума.

Ян прослушал фрагмент ещё раз. И ещё.

«Не верь протоколу. Не верь Консорциуму. Не верь своей памяти о том, как ты сюда попал.»

Как он сюда попал? Ян помнил. Перевод из Архивного управления Земли, контракт, первое погружение. Первый год. Второй. Двенадцатый. Всё было в его памяти, последовательно и логично. Мнемостабил работал именно для этого: делал прошлое складным.

«Найди Палимпсест. Найди то, что осталось от Ивена.»

Ян закрыл консоль, положил её на стол и подошёл к экрану-окну. Чёрная вода, огни, нить орбитального лифта — всё то же, что было вчера. И позавчера. И год назад. Ян стоял и смотрел.

Ивен Вейнар, старший брат, инженер-биолог. Погиб семнадцать лет назад, несчастный случай при глубоководных работах. Тело не найдено.

Ян знал эту цифру. И только сейчас, глядя на чёрную воду, поймал себя на арифметике. Ивен улетел на Нерею с первой партией, двадцать четыре года назад. Между высадкой и смертью прошло семь лет работы, писем, отчётов, ссор с начальством, чего угодно. Ян не помнил из них ничего. Ни письма. Ни жалобы. Ни названия проекта, в котором брат числился. Семь лет, ровные и пустые, как заасфальтированная траншея.

И ещё одно, помельче, но неприятнее. Фразу про море и про то, как мы друг друга держали, Ян помнил голосом Ивена, живым и тёплым: за столом, в коридоре, в шутку, всерьёз, с одним и тем же выражением лица. Проблема была в том, что Ивен улетел, когда Яну было четырнадцать. Больше они не виделись. Ни разу. Фразу, которую брат придумал уже на этой планете, Ян помнил как то, что было с ним всегда. Он подумал об этом две секунды и отложил, как откладывают камень, слишком тяжёлый, чтобы поднимать просто так.

Ивен — длинное лицо, резкие скулы, похожее на его собственное, но мягче. Голос ниже, с привычкой растягивать гласные. Руки большие, с длинными пальцами: всё время что-то перебирали. И фраза про море — с одним и тем же выражением лица, серьёзным и чуть насмешливым.

«Море помнит не нас, а то, как мы друг друга держали».

Ян помнил это. Но после узла уже не был уверен, что «помнить» и «знать» означают одно и то же.

Он вернулся к столу. Открыл консоль. На этот раз адресную книгу. Нашёл имя, которое не использовал больше года. Торин Бельк. Архивист. Бывший коллега по Архивному управлению. Человек, который знал о мнемосети больше, чем кто-либо, к кому Ян мог обратиться без шума. Торин был параноиком. Но параноиком полезным. Он всегда говорил: «Паранойя — это просто хорошо информированная осторожность».

Ян набрал сообщение. Короткое. Зашифрованное личным ключом, который они с Торином согласовали три года назад, на каталогизации Беты-12. Там попался узел, не вписавшийся ни в одну известную запись. Доложили по протоколу, Консорциум узел изъял, и больше о нём не слышали. Перед тем Торин и сказал: «Если когда-нибудь найдёшь что-то, о чём нельзя докладывать, пиши мне на этот канал».

Ян написал: «Нужна расшифровка. Лично. Срочно. Не по протоколу».

Отправил. Лёг. Закрыл глаза. Пролежал минут двадцать, слушая, как стабилизаторы гудят через подушку. Завтра сдать отчёт по смене. Каша в столовой опять будет водорослевой. В горле пересохло. Он встал, попил воды из-под крана. Потом лёг обратно.

Сон не пришёл. Вместо сна пришли фрагменты. Комната, которую он не узнавал: белые стены, запах антисептика. Чьи-то руки в перчатках осторожно касаются его шеи, там, где сейчас шрамы от имплантаций. Женский голос, спокойный, незнакомый: «Считайте от десяти. Когда дойдёте до нуля, вы не будете помнить, зачем пришли».

Ян открыл глаза. Потолок каюты, гул стабилизаторов. Сердце стучало чаще, чем следовало. Он полежал, подождал, пока выровняется.

Ян повернулся на бок. Посмотрел на консоль, лежащую на столе. Четырнадцать мегабайт: голос, имя, имя мёртвого брата. И слово «снова».

Он не спал до утра. Под утро, когда стабилизаторы сменили ритм — город просыпался, — он всё-таки задремал.

Утро на Нерее всегда одинаково. Солнце здесь было тусклой оранжевой точкой, едва пробивающейся через постоянную облачную пелену. В шесть ноль-ноль включалось полное освещение жилых ярусов, в шесть пятнадцать открывались столовые, в шесть тридцать начинались рабочие брифинги. Город жил по часам. Ян иногда думал, что эти часы — единственное, что осталось от Земли. Расписание. Всё остальное Нерея переделала под себя.

Ян пришёл в столовую третьего яруса в шесть двадцать. Взял стандартный завтрак: белковая каша из водорослевого концентрата, синтетический хлеб, напиток, который назывался «чай» только по традиции. Сел за угловой стол. Ел механически. Столовая была заполнена на треть. Утренняя смена: техники, операторы, младший научный персонал. Люди в одинаковых рабочих комбинезонах, с бледными лицами и усталостью в движениях. Нерея различала людей по функции, а не по внешности.

За два столика от него двое техников спорили, чей батискаф быстрее, «Нерпа» или «Кальмар». Один уже дважды стукнул кружкой по столу. Второй говорил, что «Кальмар» быстрее на прямых, но «Нерпа» лучше в каньонах. Первый возражал, что каньоны — это как раз «Кальмар», и вообще, если бы не идиоты-конструкторы, оба были бы одинаково медленными. Спор был старый, как сами батискафы. Они спорили о нём каждое утро. Ян не вмешивался.

Каша была мерзкой: комковатая, с привкусом йода. Ян доел половину и отодвинул тарелку. Консоль в кармане вибрировала. Ян достал её под столом. Сообщение от Торина, зашифрованное.

«Приходи в лабораторию 4-Б после второй смены. Один. Но не через основной коридор, через технический тоннель уровня С. Дверь будет открыта».

Ян удалил сообщение, допил чай и вышел. Чай был холодный. Он не заметил, когда он успел остыл.

Рабочий день: отредактированный отчёт по погружению, калибровка оборудования, планирование следующего спуска, совещание с руководителем группы. Всё по протоколу. Ян отве-

чал на вопросы, заполнял формы, кивал в нужных местах. Руководитель группы, немолодой уже человек с усталыми глазами, спросил про аномалию на третьем узле. Ян сказал: артефакт калибровки. Руководитель кивнул. Ему было всё равно. У него было ещё двенадцать отчётов на сегодня.

После второй смены он пошёл к Торину.

Технический тоннель уровня С был узким, плохо освещённым и пах ржавчиной. Здесь проходили трубы системы охлаждения и кабели связи. Ян шёл быстро. Он выучил эти тоннели, использовал их раньше, когда нужно было добраться до лаборатории, не проходя через контрольные точки основных коридоров. На Нерее приватность была роскошью, но привычка к ней остаётся. По пути он дважды приложился плечом к трубе: тоннель был рассчитан на людей пониже, и приходилось идти вполоборота. Второй раз он выругался вслух.

Никто не слышал. В тоннеле гудели трубы и где-то капала вода.

Лаборатория 4-Б находилась в техническом секторе, между ремонтным доком и складом запасных частей. Маленькое помещение, заставленное оборудованием для анализа биофотонных образцов. Торин Бельк работал здесь восемь лет. Консорциум разрешал ему самостоятельные исследования: Торин был слишком полезен, чтобы его ограничивать. Дверь была открыта. Ян вошёл.

Торин сидел за рабочим столом, спиной к двери. Невысокий, плотный, коротко стриженные седые волосы, привычка горбиться. Ему было пятьдесят два, но выглядел он старше. На столе рядом с ним стояла кружка с недопитым чаем и лежала стопка бумажных распечаток. Бумага на Нерее была роскошью, но Торин настаивал: электронные записи можно удалить, бумагу труднее.

— Закрой дверь, — сказал Торин, не оборачиваясь.

Ян закрыл. Торин повернулся. Лицо круглое, мелкие черты, глаза чуть удивлённые, как Ян его и помнил. Но что-то в них сдвинулось. Любопытство. Торин смотрел на него и ждал.

— Покажи, — сказал Торин.

Ян передал консоль. Торин подключил её к своему оборудованию. Экран анализатора загорелся, пошли данные: спектрограмма, паттерн, когерентность, биометрическая привязка. Торин смотрел, не отрываясь. Его пальцы, короткие, с обкусанными ногтями, лежали на краю стола. Потом он включил голосовой фрагмент.

Голос Яна прозвучал в лаборатории. Тихий, чуть искажённый, узнаваемый.

«Если ты это слышишь, значит я снова согласился...»

Торин выключил запись. Посмотрел на Яна. В его глазах не было удивления.

— Ты знаешь, что это, — сказал Ян.

— Я знаю, что это может быть. — Торин снял очки. — И если это то, что я думаю, то тебе нужно уйти из этой лаборатории, удалить файл, принять двойную дозу мнемостабила и никогда больше не спускаться в Дельту.

— Торин, что такое Палимпсест?

Торин протёр очки полой халата и надел обратно. Он делал это медленно. Как человек, который тянет время и не хочет отвечать.

— Палимпсест это проект, — сказал Торин наконец. — Ранний. Времён Первой Высадки или сразу после. Я натыкался на упоминания в архивных индексах, но каждый раз, когда пытался получить доступ к полным записям, они оказывались засекречены на уровне, который выше моего допуска. А мой допуск четвёртый из пяти.

— Что за проект?

— Я не знаю точно. Но по косвенным данным что-то связанное с использованием мнемосети для... — Торин замолчал. Подбирал слова. — Для управления коллективной памятью. Активного вмешательства в то, что люди помнят.

В лаборатории гудела вентиляция. В раковине капала вода. Капля падала каждые три секунды. Ян поймал себя на том, что считает. Раз. Два. Три. Капля.

— Мне нужна полная расшифровка узла, — сказал Ян.

— Это займёт время. Дни. Может быть, неделю. И это будет заметно, мне придётся использовать оборудование, которое логируется.

— Сможешь обойти логирование?

Торин молчал. Он смотрел на экран, где спектрограмма узла медленно вращалась. Потом сказал:

— Ты понимаешь, что просишь?

— Да.

— Ты понимаешь, что если Консорциум узнает...

— Да.

Торин посмотрел на экран, где спектрограмма узла медленно вращалась.

— Я попробую, — сказал он. — Приходи через три дня. Тем же путём. И Ян...

— Да?

— Не принимай мнемостабил. Один раз. Посмотри, что всплывёт.

Ян хотел спросить, почему. Но Торин уже отвернулся к экрану. Ян вышел в тоннель уровня С и пошёл обратно. По пути он снова приложился плечом к трубе. Выругался. Тихо.

Он не знал, что видит Торина Белька живым в последний раз.

Глава 3. Мёртвый архивист

Торин Бельк был найден мёртвым через тридцать один час после их встречи.

Ян узнал об этом из общей рассылки Пелага. Короткое уведомление, зажатое между объявлением о плановом обслуживании водоочистной станции и расписанием медосмотров для глубинников второй категории.

«Сотрудник Архивного управления Торин Бельк (52 года) скончался в результате острого декомпрессионного инсульта. Смерть наступила в лаборатории 4-Б технического сектора. Обстоятельства не вызывают подозрений. Соболезнования направлены семье».

Ян прочитал уведомление дважды. Потом закрыл консоль, положил её на стол и сел на койку. Дыхание пришлось выравнивать сознательно: четыре секунды вдох, семь выдох. Он сидел и смотрел на стену. На стене была трещина. Маленькая, почти незаметная. Он не помнил, когда она появилась. Может, вчера. Может, год назад.

Декомпрессионный инсульт. Разрыв сосудов головного мозга из-за резкого перепада давления. Профессиональная болезнь глубинников. Случалась. Не часто, но случалась. Торин Бельк не был глубинником. Он не спускался под воду уже четыре года. Его работа была лабораторной. Его давление было давлением Пелага — одна атмосфера, плюс-минус незначительные колебания.

Ян мог придумать три сценария, при которых это было возможно. Все три требовали внешнего вмешательства. Он не стал звонить в медицинскую службу и задавать вопросов. Не стал идти в лабораторию 4-Б. Вместо этого проверил свою консоль. Файл, четырнадцать мегабайт, был на месте. Зашифрован. Нетронут.

Потом он проверил канал связи с Торином. В канале было одно сообщение. Отправленное Торином за два часа до предполагаемого времени смерти. Зашифрованное. Короткое.

Ян расшифровал его. Два слова и код:

«Палимпсест. Повторный доступ запрещён. КП-2461-ЗАКР-7».

КП. Консорциум Памяти. 2461 год. ЗАКР — закрытый. Седьмой уровень секретности. Ян не знал, что уровни секретности Консорциума доходят до семи. Официально их было пять.

Торин нашёл что-то, отправил ему след. И через два часа Торин был мёртв.

Ян удалил сообщение из канала. Записал код в память — в свою собственную, ненадёжную, отредактированную, единственную, которая у него была. Повторил про себя: КП-2461-ЗАКР-7. КП-2461-ЗАКР-7. КП-2461-ЗАКР-7. Он повторял, пока слова не потеряли смысл и не стали просто звуками. Потом оделся и вышел из каюты.

Коридор третьего яруса. Люди. Утренняя смена. Лица, которые он помнил по именам, по обязанностям, по привычкам. Женщина из столовой, которая всегда наливала чай до края. Техник, который всегда опаздывал. Молодой оператор, который всегда улыбался. Никто не смотрел на него иначе, чем обычно. Никто не знал, что человек, с которым он разговаривал тридцать один час назад, мёртв. И что смерть эта пахла уборкой.

Ян шёл по коридору.

На пересечении с главным коридором его остановил человек в форме Гидросовета — тёмно-синий комбинезон, серебристая полоса на рукаве. Молодой, лет тридцати, аккуратное лицо. Глаза смотрели чуть выше переносицы собеседника. Приём, которому учат на курсах допроса.

— Ян Вейнар? Мнемоархеолог, группа Дельта?

— Да.

— Следователь Рен Тавик, отдел внутренних расследований Гидросовета. У меня несколько вопросов о Торине Бельке. Вы были знакомы?

— Коллеги. Работали вместе три года назад.

— Когда вы видели его в последний раз?

Ян ответил без паузы.

— Около четырёх месяцев назад. На общем собрании Архивного управления. Мы поздоровались. Не разговаривали.

Ложь. Гладкая, отрепетированная до автоматизма. Ян лгал редко. Но когда лгал, делал это так же, как всё остальное: методично, без лишних движений.

Тавик записал что-то на планшете. Кивнул.

— Вы знали о состоянии его здоровья?

— Нет. Мы не были близки.

— Понятно. Спасибо. Если вспомните что-то, что может быть полезно, свяжитесь со мной.

Тавик протянул карточку с контактом. Ян взял. Кивнул. Пошёл дальше. Он не оглянулся. Не ускорил шаг. Не сжал кулаки. Но что-то в нём сдвинулось. Он не смог бы сказать, что именно. Медленно. Необратимо. Как тектоническая плита на дне каньона.

Торин нашёл след Палимпсеста и отправил ему код.

Связь была очевидной. Настолько очевидной, что Ян на мгновение усомнился: не слишком ли? Не подстроено ли всё так, чтобы он увидел связь и начал действовать? Не является ли смерть Торина не следствием, а приманкой? Он не знал. У него не было данных. У него был файл, код и мёртвый человек. И вопрос, от которого не было покоя: если Торин погиб из-за того, что начал расшифровку узла, значит, кто-то знал о находке Яна. Кто-то наблюдал за ним. Кто-то уже действовал.

Ян вернулся в каюту и открыл консоль. Медицинскую карту Торина Белька — ту часть, которая была доступна коллегам по Архивному управлению. Последний медосмотр, три недели назад. Все показатели в норме. Никаких признаков сосудистой патологии. Никаких факторов риска для декомпрессионного инсульта.

Ян закрыл карту. Потом открыл другой файл. Свой собственный. Медицинскую карту Яна Вейнара. Он читал её много раз. Но сейчас — читал глазами следователя. И нашёл.

Не сразу. В примечании к записи от 2471 года, семь лет назад, когда он проходил реабилитацию после декомпрессионной травмы. Примечание было коротким, написанным медицинским почерком — сухим, безличным, функциональным:

«Проведена процедура когнитивной стабилизации (тип 3) по протоколу КС-стандарт. Результат удовлетворительный. Рекомендован мнемостабил на постоянной основе».

Когнитивная стабилизация, тип 3. Ян знал, что это такое. Процедура реконсолидации воспоминаний, применяемая при тяжёлых травмах для восстановления автобиографической непрерывности. Обычная процедура. Ничего особенного. Но в примечании не было имени врача, проводившего процедуру. Не было номера протокола. Не было ссылки на информированное согласие. И — Ян проверил дважды, потом трижды — не было конкретной даты. Запись была помечена 2471 годом, но точное число отсутствовало. Казалось, процедуру вписали в карту задним числом. Кто-то поленился заполнить все поля — или намеренно оставил пробелы.

Ян откинулся на спинку стула и смотрел в потолок. Думал о Торине в морге медицинского сектора — с диагнозом, который не мог быть правдой. О голосе, который был его собственным. О коде КП-2461-ЗАКР-7. О процедуре без даты в его собственной медицинской карте.

И о том, что завтра утром он не примет мнемостабил.

Торин сказал: посмотри, что всплывёт.

Ян посмотрит.

Архивная II

Медицинская служба Пелага. Протокол вскрытия № ПВ-2478-1147

Субъект: Бельк, Торин Р. Возраст: 52 года

Дата смерти: 14.07.2478

Место обнаружения: лаборатория 4-Б, технический сектор

Причина смерти: острое нарушение мозгового кровообращения геморрагического типа (декомпрессионный инсульт).

Обнаружены множественные петехиальные кровоизлияния в белом веществе обоих полушарий. Характер повреждений соответствует быстрому перепаду внешнего давления (оценочно: от 1,0 до 0,3 атм в течение 2—4 секунд).

Примечание патологоанатома: характер повреждений нетипичен для спонтанного декомпрессионного инсульта. Распределение кровоизлияний симметрично, что может указывать на

УДАЛЕНО ПО ЗАПРОСУ ОТДЕЛА ВНУТРЕННИХ РАССЛЕДОВАНИЙ,рег.КП–2478–КОНФ.

Заключение: смерть от естественных причин, связанных с профессиональной деятельностью.

Подпись: д-р М. Хольц

Виза: отдел внутренних расследований Гидросовета

Статус документа:ограниченный доступ

Глава 4. Палимпсест

Утром Ян не принял мнемостабил.

Таблетка лежала на ладони — маленькая, белая, с выдавленным логотипом Консорциума Памяти: стилизованная волна, вписанная в круг. Он смотрел на неё тридцать секунд. Потом положил обратно в аптечку и закрыл дверцу. Дверца щёлкнула. Звук был громче, чем ожидалось. Ян вздрогнул.

Первые два часа прошли без изменений. Ян пошёл на работу, заполнил отчёты, провёл калибровку оборудования. Он работал. Всё шло как обычно. Разве что чай в столовой показался чуть более горьким, чем обычно. И техник, который всегда опаздывал, опоздал на семь минут вместо обычных пяти. Мелочи, но Ян отмечал их и складывал в сторону. Словно складывал инструменты, которые могут понадобиться позже.

На третьем часу пошли трещины.

Знакомая комната слегка изменила пропорции: потолок чуть выше, стены чуть ближе, свет чуть холоднее. Мир остался тем же, но перестал быть точным. Как будто кто-то подкрутил линзу, и всё, что раньше казалось чётким, стало чуть размытым по краям.

Ян сидел за рабочим столом в офисе Архивного управления и смотрел на экран, где были открыты данные по архивной зоне Дельта-9. Стандартная карта, стандартные обозначения. Но что-то в ней было не так. Что-то, что он видел сотни раз, но сейчас, без химической подушки мнемостабила, видел иначе.

Дата первичного картирования зоны Дельта-9: 2471 год.

Ян помнил это картирование. Он участвовал в нём. Три недели работы, семнадцать погружений, команда из пяти человек. Он помнил имена коллег, помнил маршруты, помнил, как на четвёртом погружении отказал левый прожектор батискафа и Лио чинил его на ходу, ругаясь на трёх языках. Но сейчас, без мнемостабила, он обнаружил, что не помнит, как попал в эту команду. Не помнит назначения. Не помнит брифинга. Не помнит первого дня. Память начиналась с середины, с третьего погружения, с момента, когда он уже был внутри батискафа, уже работал, уже знал маршрут. Кто-то вырезал начало и аккуратно склеил оставшееся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.